

Долгих Аркадий Наумович

ЖАЛОБЫ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН И СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПОМЕЩИКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РОССИИ КОНЦА XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена малоизученной в историографии проблеме реакции властей Российской империи на жалобы владельческих крестьян на своих хозяев. Рассматривается система наказаний жестоких помещиков в правовой системе государства; показан процесс ее формирования, главное же внимание уделено законодательству конца XVIII - первой половины XIX в. На основании привлечения новых, в том числе архивных источников автор делает попытку в постановочном плане обозначить тенденции в развитии данных явлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 95-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

самой свободе слова, поскольку именно такие угрозы уменьшают степень информационной безопасности. Возникшая ситуация актуализирует обращение науки к институту ответственности в деятельности СМИ с тем, чтобы провести его глубокий анализ применительно ко всем подсистемам СМИ, определиться с видами ответственности в данной сфере, решить проблемы юридических коллизий, которые возникают в правоприменительной практике. Задача очень сложная, но вполне решаема, если за нее взяться в процессе работы над информационным кодексом, о котором сегодня говорят специалисты информационного права [9].

Список литературы

1. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права: учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Кучинского. Минск: Амалфея, 2002. 655 с.
2. Елин В. М., Жарова А. К. О выделении информационных объектов в самостоятельную категорию объекта преступления // Труды Института государства и права Российской академии наук / отв. ред. И. Л. Бачило. 2009. № 5. С. 205-229.
3. Ковалева Н. Н. Информационное право России. М.: Дашков и К, 2008. 359 с.
4. Ленин В. И. Речь по вопросу о печати (заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.) // Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1974. Т. 35. С. 53-55.
5. О печати: Декрет Совета народных комиссаров от 9 ноября 1917 г. // История Советской Конституции (в документах): 1917-1956 / сост. А. А. Липатов, Н. Т. Савенков. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. С. 51-52.
6. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 15 июня 2010 года. URL: <http://www.kodeksprava.ru/content/view/126/55/> (дата обращения: 11.06.2015).
7. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 с изм. и доп. по состоянию на 20.11.2014. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30499772 (дата обращения: 11.06.2015).
8. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 с изм. и доп. URL: <http://www.rg.ru/1991/12/27/smi-zakon.html> (дата обращения: 11.06.2015).
9. Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ / отв. ред. И. Л. Бачило. М.: ИГП РАН Изд-во «Канон+», 2015. 216 с.
10. Теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М.: Право и закон, 1996. 424 с.

LIABILITY INSTITUTION IN MASS MEDIA ACTIVITY: COMMON AND SPECIFIC

Dovnar Natal'ya Nikolaevna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Belarusian State University
ndovnar@gmail.com

The article deals with issues related to the legal liability of mass media as a means of the suppression and prevention of law violations. The peculiarities of liability institution in this area consisting in ability to suspend and discontinue the activity of mass media are noted. The necessity to determine the place of preventions as measures of legal influence in the structure of the legislation on mass media is shown. It is proposed to carry out a deep analysis of liability institution in mass media activity in the process of work on the Information Code in order to solve the problems of legal collisions that arise in law-enforcement practice.

Key words and phrases: mass media; measures of legal influence; offence; legal liability; suspension and discontinuation of mass media activity; protection measures.

УДК 63.3

Исторические науки и археология

Статья посвящена малоизученной в историографии проблеме реакции властей Российской империи на жалобы владельческих крестьян на своих хозяев. Рассматривается система наказаний жестоких помещиков в правовой системе государства; показан процесс ее формирования, главное же внимание уделено законодательству конца XVIII – первой половины XIX в. На основании привлечения новых, в том числе архивных источников автор делает попытку в постановочном плане обозначить тенденции в развитии данных явлений.

Ключевые слова и фразы: опека; жалобы; наказания; крестьянский вопрос; российское самодержавие.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
Adonli@mail.ru

**ЖАЛОБЫ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ КРЕСТЬЯН И СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПОМЕЩИКОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]**

Данная проблема является малоизученной в науке, что связано с отсутствием сводных данных по крестьянским жалобам и по наказаниям помещиков за их злоупотребления властью над крепостными. Следствием

такой ситуации в историографии являются всякого рода спекуляции, исходящие из тезиса «как правило» или «так, например». Тем не менее, стоит определить основные положения по данной проблематике хотя бы в постановочном плане.

Система контроля со стороны властей за взаимоотношениями землевладельцев и крепостных существовала, видимо, с середины XVII в.: помещикам запрещалось разорять, мучить и убивать крестьян под угрозой наказания. Показателен указ Петра 1719 г., которым он обязал воевод и земских комиссаров не допускать такого положения, когда «некоторые непотребные люди... вотчины свои... разоряют, налагая на крестьян всякия несносныя тягости... и от того крестьяне, покинув тягла свои, бегают, и чинится от того пустота, а в государевых податях умножается доимка...». Согласно указу, вотчина дворянина-разорителя должна быть передана его родственникам. Эта же практика имела место впоследствии и в форме увещевания помещиков, и в форме наказания их. Со времени издания «Учреждения для управления губерний» 1775 г. этим наказанием стала сдача имения под управление дворянской опеки, существовавшей при каждом уездном Верхнем земском суде в составе местного предводителя дворянства, судьи и 2-4 заседателей из дворян. Усиление контроля над помещиками было связано с опасениями перенапряжения крестьянства, что создавало проблемы с исполнением казенных повинностей и угрожало государственной безопасности. В то же время излишнее, по мнению монархов, усиление власти помещиков над крестьянами до определенной степени посягало и на их прерогативы. Не забудем и стремление к некоей законности правления, характерной для самодержавия, начиная с Петра I [5, с. 297-298; 9, т. I, с. 212, 311-312; 14, т. I, № 103, 453, т. 2, № 1266, т. 5, № 2789, 3294, т. 6, № 3770, т. 7, № 4406, т. 9, № 6570, 6682, 7104, т. 12, № 9167, т. 14, № 10206, т. 15, № 10832, 11203, 11291, т. 18, № 12966, 13211, 13300, т. 20, № 14331, 14356, 14392, т. 21, № 15379, т. 31, № 24633, т. 33, № 26157, т. 35, № 27572; 19, с. 207-216].

В этой связи власти производили расследования в отношении не только отдельных помещиков, но и целых регионов. Вспомним, что именно подобным образом выяснились «грехи» г-жи Простаковой в «Недоросле» Д. И. Фонвизина, закончившиеся взятием имения в опеку. Заметим, имение переходило под управление к опекунам (чтобы со временем перейти к Митрофанушке) по ряду мотивов, в том числе объявленному (Правдиным) произволу по отношению к крепостным, но, видимо, и в связи с попыткой распорядиться судьбой Софьи без ее ведома и ведома ее родни. К властям обращались и авторы дворянских проектов решения крестьянского вопроса с целью усиления контроля над землевладельцами-дворянами и даже «укрощения» жестоких помещиков. По нашим данным, в 661 проекте за время правлений Павла I и Александра I такие предложения упоминаются 112 раз (по таксации ренты), 92 раза (в связи с продажей людей без земли), 72 раза (в отношении других проявлений помещичьей власти вроде насильственных браков), 59 раз (в отношении жестоких «домашних» наказаний), 94 раза (в отношении мер контроля над жестокими помещиками); в отношении дворовых значимыми представляются предложения об ограничении над ними помещичьей власти – 14 раз и контроля над помещиками – 21 раз. Характерно, что против этих эксцессов выступали не только представители либерального лагеря (по нашему мнению, в дореформенное время применение этого термина к дворянам-душевеладельцам не отвечает сути понятия «либерализм»), но и многие консерваторы (А. П. Сумароков, М. М. Щербатов, Ф. В. Ростопчин и др.) [1; 8, т. I, с. 24-25, 74, 246, 250, 257, 293, 296, т. II, с. 45, 96, 99, 157; 9, т. I, с. 247, 278, 333-334, т. II, с. 128, 134, 161; 24, с. 143].

Важным источником таких сведений для властей, позволявшим держать контроль над ситуацией, были крестьянские жалобы, в отношении к которым можно увидеть и определенные тенденции в правительственной политике. Вообще говоря, крепостные по законам не имели права жаловаться на помещиков (вспомним указ Екатерины II 1767 г.), но правительство, как правило, наказывая жалобщиков, давало иногда ход жалобам и производило по ним расследования. Отметим, что сама императрица еще в 1763 г. в инструкции смоленскому губернатору В. В. Фермору, говоря о жестоких помещиках, отмечала, что ему надлежит «принимать на таковых... крестьянския жалобы...». При этом само наличие дел о жестоких помещиках с упоминанием причины их возбуждения – крестьянской жалобы – говорит о том, что именно так власть и поступала, другое дело, что не всегда, тем более на местах. Как писал в 1802 г. В. Ф. Малиновский, всякого рода «повеления» и «распоряжения о присмотре за помещиками и облегчении рабского состояния суть слабые лекарства, временно утоляющие боль», а В. Н. Каразин в записке 1816 г. утверждал, что среди занятий начальников губерний «участь же земледельца... составляет последний предмет». В. Ф. Раевский в начале 1820-х гг. указывал: «Как бы сильно законы ни ограждали и сколько бы правительство ни обращало внимания и попечения о благосостоянии крестьян, но правосудие, находящееся в руках дворянских единственно, всегда будет употребляемо в защиту собственную и в утеснение слабейших...» [6, с. 387, 402; 9, т. I, с. 212, 278, т. II, с. 182].

Необходим был целый набор условий, чтобы эти жалобы дошли до логического завершения – рассмотрения дела. Для этого нужны были известные факты такого рода: крестьяне «по миру пошли», многочисленные случаи смертей крестьян по вине помещика и др.; наличие формальной жалобы, и чтобы она дошла до адресата – правительственного чиновника, имеющего возможность активно на нее реагировать; чтобы этот чиновник имел желание разрешить проблему; отсутствие решающего противодействия со стороны помещика и его высокопоставленных защитников (не по каждому помещику можно было и затеять такое дело); наличие закона, под который подпадало бы правонарушение помещика; конкретные доказательства (с чем были проблемы, так как часто рабами-союзниками помещика здесь выступали его крепостные, боявшиеся свидетельствовать против хозяина); благожелательное отношение к делу местной администрации и суда. Наконец, играл роль и некий «дух времени». Мы употребляем это выражение в отношении позиции высшей власти, которая в разные эпохи по-разному смотрела на помещичьи злоупотребления. Вот что об этом писал Н. И. Тургенев

в 1819 г.: «В самом деле, начальству представляются почти непреодолимые препятствия в надзоре за дурными помещиками и в защите крестьян в сем случае. Обыкновенно начальство думает, что не может приступить к пресечению зла иначе, как по просьбам крестьян. Сколько же угнетений, сколько несправедливостей нужно для того, чтобы подвинуть наших крестьян к формальным жалобам на помещика? К тому же и жалобы сии возможны только здесь, в столице, где присутствие правительства подает крестьянам надежду на беспристрастную защиту. В губерниях сии жалобы почти невозможны. Сверх всего, в случае сих жалоб, начальство, при всем желании оградить крестьян от притеснения, всегда имеет в виду, что таковые жалобы, будучи принимаемы и удовлетворяемы, могут подать вредный повод к беспокойству крестьян. И таким образом мысль о порядке часто заглушает мысль о справедливости. Говоря здесь о начальстве, мы разумеем начальство, от правительства определенное. На защиту предводителя дворянства крестьяне, особенно в губерниях, мало могут иметь надежды. Предводитель избирается дворянами, дворянам не могут быть приятны жалобы на одного или нескольких членов их сословия, ложный стыд скорее побудит их к несправедливости, нежели к обвинению их собрата. Таким образом, зло останется ненаказанным...». Данная сентенция весьма информативна. Сам автор был причастен к важным государственным решениям и знал кухню законодательства. Поэтому его позиция об ожидании со стороны властей крестьянских жалоб для принятия по ним решений показательна, тем более что сам факт жалоб рассматривается как нечто обыденное, а ведь они давно были запрещены (здесь не описываются и наказания, которым должны были быть подвергнуты жалобщики). Другим важным моментом здесь является представление о дворянских предводителях как о весьма ненадежных союзниках правительства в деле обуздания жестоких помещиков. А ведь именно к ним (наряду с губернаторами) обращались правительственные циркуляры по данному вопросу [9, т. II, с. 113, 150-152].

В политике Павла I при разрешении конфликтов между помещиками и крепостными можно увидеть некую объективность, что было связано с его непреклонным характером и представлениями о правах царя на контроль над взаимоотношениями сословий. Известно, что он дозволил подачу жалоб ему лично, в том числе и от владельческих крестьян и холопов (Указ 12 декабря 1796 г.). При этом «резолуции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично... и затем публиковались в газетах для объявления просителю». По словам Н. Я. Эйдельмана, крестьянские просьбы и жалобы, отвергавшиеся ранее, Павлом «даже поощрялись...». И хотя 6 мая 1799 г. последовало запрещение подачи жалоб монарху по «не дельным» вопросам, налицо недоверие Павла к дворянству и стремление к централизации, которые стимулировали его желание получать правдивую информацию снизу без посредников. Интересен эпизод с жалобами, поданными Павлу в Москве в марте 1797 г. в преддверии коронации. Ответом на них было повеление местным властям: «Призвав сих крестьян, стараться... кротким образом внушить им дерзость поступка их противу помещиков своих... представлять им жестокость справедливого наказания по законам, если они в чем-либо доносят несправедливость или сами противу помещиков виновны, а, между тем, снисходительно наклонять их к раскаянию и должному повиновению помещикам. В рассуждении же самих помещиков отписать ко оным письмами и между изысканиями истребованием от них уведомления о том... что единая умеренность в поступках противу их крестьян и собственную их пользу, и успокоение правительству доставить может...». Заметим, что факт подачи жалобы не рассматривался Павлом как преступление со стороны крестьян. Характерен пример с жалобой монарху в июне 1797 г. дворового человека Мышкинского уезда Ярославской губернии «в изнурении крепостных людей работами, побоями, голодом и содержанием» и «безотлучной работой». По Высочайшему повелению 25 июня 1797 г., губернатор провел расследование, не подтвердив справедливость жалобы, – и дворовый был предан суду. С другой стороны, помещица Ржевская «за тяжкие побои и худое содержание своих дворовых людей была отправлена в монастырь под надзор до исправления». Как и всегда, решения властей принимались в зависимости от обстоятельств [7, с. 118, 531-534, 554-561, 564; 14, т. 16, № 11606, 11718, т. 17, № 12316, т. 18, № 12966, т. 24, № 17636, т. 25, № 18957, т. 26, № 19426; 25, с. 116-117].

Законодательство о жалобах крестьян на помещиков при Александре I незначительно. Выделим здесь акт 2 января 1819 г., запрещавший полиции препятствовать подаче жалоб крестьянами в руки монарху во время его поездок по стране. Заметим, что это положение не было закреплено в последующем законодательстве, но монарх продолжал ему следовать. При этом должностные лица не раз возбуждали вопрос о запрещении крестьянам подавать жалобы на помещиков «на Высочайшее имя». Так, министр финансов Д. А. Гурьев поднимал вопрос о том, что жалобы крестьян, подаваемые «мимо» местного начальства, показывают несоблюдение законов и слабый надзор губернаторов за этим. С тем же обращался к монарху и Комитет министров, полагая взыскивать с губернаторов за подобный недосмотр. Интересна резолюция монарха: «Если бы я мог быть уверен, что губернатор доставит всегда удовлетворение беспомощному крестьянину, то суждение Комитета было бы основательно; но, к сожалению, примеры были сему противные, и многие уже просьбы, принесенные мне, оказались справедливыми, хотя местное начальство и не доносило министерству о противозаконных действиях помещиков. Сверх того, известно Мне, что были случаи, где крестьяне, жалующиеся на помещиков, в замену удовлетворения, были еще наказываемы. И посему утвердить мнение Комитета было бы подвергать крестьян опасности удвоенного наказания. Вследствие сего повелеваю: принесение ко Мне жалоб оставить в нынешнем положении...». По сведениям С. М. Середонина, управляющий МВД вносил в Комитет предложение обязать крестьян подписками, чтоб с просьбами они обращались в судебные места, а не к монарху. Комитет с этим согласился, но монарх наложил резолюцию: «Никогда подобных подписок не делать, в коих бы изъяснялось, что запрещается приносить Государю просьбы» [2, с. 214; 4; 9, т. I, с. 276, т. II, с. 120-124; 14, т. 17, № 12316, т. 18, № 12966, т. 30, № 22958, т. 33, № 25882, т. 36, № 27618; 15, т. 3, № 2441; 23, с. 352-353].

Выделим обсуждение в Комитете министров вопроса о том, как поступать с крестьянами, подавшими жалобы на помещиков. На заседании 21 декабря 1820 г. была заслушана записка В. П. Кочубея о жалобах крестьян помещика Симбирской губернии Татаринцева на жестокое с ними обращение. Кочубей предлагал: если жалоба на помещика будет признана основательной, имение поступает в опеку; если жалоба подана дворовыми и окажется справедливой, то они должны быть освобождены от личной службы помещику и сами себя содержать, платя назначенный губернским правлением оброк владельцу; если же жалоба оказалась неосновательной, то жалобщика следовало предать суду, а затем передать его владельцу, а если последний откажется его принять, то сдать жалобщика в рекруты или сослать в Сибирь на поселение. Комитет внес сюда дополнение: «Дабы оглашением таковых правил не произвести вредных впечатлений в крестьянах и дворовых людях и не подать им повода к излишним жалобам, для того, не оглашая повсеместно сих правил, сообщить оные только Управляющему МВД и Министру юстиции...». Это решение было утверждено императором 17 января 1822 г. По мнению С. М. Середонина, оно «было значительным шагом вперед – не только признавалось право крепостных жаловаться на своих помещиков, но и предоставлялась возможность обращаться непосредственно к монарху...» [13, к. 22, д. 12, л. 1 – 3 об.; 17, д. 322, л. 1-7; 18, д. 2449, л. 35 – 37 об.; 23, с. 354-355].

Сложное обстояло дело с наказаниями помещиков за жестокое обращение с крепостными; типичным здесь стало взятие имений в опеку. Показательно здесь, например, дело павловского времени об учреждении опеки над имением капитана Бахметева «за развратное поведение» (указ 17 февраля 1798 г.). Некоторые новации заметны при Александре. Как писал В. И. Семевский, в 1802 г. «обнаружилось несколько вопиющих злоупотреблений помещиков своею властью; это побудило составить секретный именной указ губернаторам». По словам В. Ю. Захарова, его проект был подготовлен в Негласном комитете в сентябре 1802 г. и включал в себя ряд положений: 1. «Следует предписать, чтобы губернаторы имели неприметные и безгласные, но точные сведения о поведении помещиков с их крестьянами, и если узнают о злоупотреблении властью... то должны избрать надежнейших... чиновников и, произведя на месте открытое следствие», донести императору и ждать его распоряжения о мерах по прекращению насилия. Если же и впредь до императора будут доходить жалобы, минуя губернатора, «то будет особый спрос с них, почему не пресекли злоупотреблений» и не донесли царю. 2. Полученные сведения держать в тайне, чтобы «не было волнений у крестьян и неправых притязаний на помещиков». 3. До решения суда крестьяне должны находиться в повиновении у помещика, а губернаторы должны подавлять бунты со всей строгостью закона. 4. Проводить расследования следует не только по поступившим жалобам, но и по имеющимся сведениям, полученным от негласных агентов, причем «следствие вести открыто и беспристрастно, лучшими и надежными чиновниками». При этом помещикам должно быть предоставлено право оправдаться. Реакцией на него, видимо, была записка П. А. Строганова монарху, где он указывал, что идея указа хороша, но тот, «кто знает, каковы суть сии чиновники, наполняющие губернии, почувствует всю тягость такового предположения». Как отмечал Семевский, «указ этот, по-видимому, не был разработан» [3, с. 457-459; 12, с. 317-319; 14, т. 25, № 18381, 18406, 18511, 18606, 18667; 22, с. 248].

И в эту пору власти применяли определенные меры против жестокостей помещиков. Отметим, что 5 августа 1801 г. Негласный комитет рассматривал вопрос об указе, изданном по случаю жестокого обращения одной гдовской помещицы с крепостными. Обсуждение этого факта типично для Александра, постоянно обращавшего внимание на факты жестокого обращения помещиков с крепостными. Пример этого – указ 4 апреля 1802 г. о заключении на 10 лет помещика майора Орлова в монастырь и взятии его имения в опеку. Выделим дело (обсуждавшееся в Комитете министров 15 сентября 1808 г.) помещиков Нижегородской губернии Баженовых. По представлению земского суда в связи с волнениями крестьян отмечались «неопределительность и несоразмерность в повинностях помещичьих и само изнурение крестьян налогами», с чем был согласен губернатор. По Высочайшему указу имение было взято в опеку, но затем поступила жалоба от помещиков, оправдывавшихся тем, что высокий оброк в имении связан с большими доходами их крестьян от лесных дач, а «все искания» крестьян «ограничиваются тем, чтоб получить свободу». Комитет министров, рассмотрев вопрос, поручил разобраться с ним губернскому предводителю. Таким образом, местная власть настаивала на наказании помещиков, а высшая фактически взяла их под защиту. Указ 12 октября 1816 г. посвящен делу помещика Черниговской губернии Д. Плешка, приказавшего крестьянам избить заседателя Смоленского и других людей, приехавших в его деревню для проведения следствия по делам о беглых, за что местные власти наказали (кнутом и плетью) не его самого, а крестьян. Сенат повелел за несправедливый приговор взыскать с членов 1 департамента Черниговского Генерального суда 900 руб. в пользу крестьян, так как они были лишь орудием помещика, а владелец имения был лишен чинов и дворянства и отправлен в военную службу с заменой ее – в случае негодности – ссылкой в Сибирь. Назовем здесь и указ 8 августа 1818 г. «О представлении на ревизию Сената приговоров по всем уголовным делам, в коих участвуют крепостные люди с их помещиками», где было заявлено, что данная мера предпринимается, «дабы чрез то отвратить... несправедливость наказанием невинных». В связи с подобными делами заметим колебания в верхах по поводу того, кто должен налагать наказания на помещиков. Наконец, в 1825 г., в связи с делом помещика Московской губернии Скворцова, монарх утвердил положение Комитета о наложении опеки генерал-губернаторами и военными губернаторами в своих губерниях, а в остальных – Сенатом. Дела о дворянах, судимых за убийство крестьян, указом 15 июля 1820 г. должны были окончательно рассматриваться в Сенате [2, с. 167, 192; 12, с. 88-89; 14, т. 27, № 20217, 20576, т. 28, № 21847, т. 31, № 24633, т. 32, № 25367, т. 33, № 26452, т. 34, № 26603, 26766, 26781, т. 35, № 27457, т. 37, № 28358, т. 38, № 29054, 29193, 29347, т. 40, № 30297, 30356, 30529, 30582].

Некоторые изменения на сей счет произошли при Николае I. Отметим четкую постановку вопроса в «Своде законов» 1832 г.; после перечисления обязанностей помещика по отношению к его крестьянам в ст. 633 заявлено, что «когда виною помещика деревня доведена будет до разорения», и крестьяне будут излишне отягощены, и «в случае нетерпимой в управлении их жестокости, местным главным Начальникам Губерний предоставляется наложить на имения таковых помещиков опеку». Вместе с тем, ситуация с опекой была тоже не идеальной. По словам сенатора М. М. Бакунина, «большая часть опекунов считают себя как бы владельцами, но только временными, и для того спешат, сколько только можно, пожить... помещики, достойные быть опекунами, живут по большей части в своих уездах» и «не имеют время заботиться о чужом... Между тем, настоятельно требуют опек, и тогда назначают, кого попало...». Очевидно, что в этих словах есть доля правды, и опеку не стоит рассматривать как панацею от бед для крепостных [9, т. II, с. 162-163; 21, ст. 633].

По словам И. В. Ружицкой, в это царствование «проводилась линия на ограничение злоупотреблений крепостным правом со стороны помещиков», а целью этих мер было устранение поводов для недовольства и протестов крестьян. Законодательство предусматривало ограничение власти помещиков, избличенных в крайней жестокости по отношению к своим крепостным. Имения таких помещиков по решению генерал-губернатора, а там, где их не было, – решением дворянского депутатского собрания брались в опеку: помещик устранялся от управления имением, ему запрещались продажа и покупка крестьян, изменение размера и характера повинностей и т.п. По закону 1853 г., опека, учрежденная над одним имением помещика, автоматически распространялась и на все остальные его имения. Подсчитано, что из 367 актов этого времени о помещичьих крестьянах 108 было посвящено их защите от помещиков. Сюда отнесем рескрипты министру внутренних дел В. С. Ланскому 1826 г., циркуляры МВД 1832, 1841 и 1849 гг., в которых предписывалось помещикам обращаться с крестьянами «по-христиански и согласно законам», а предводителям дворянства вменялось в обязанность следить за исполнением помещиками предписаний при угрозе дисциплинарных взысканий, действительно применявшихся в отношении их (в 1849 г.). Как отмечали исследователи, избранные дворянством предводители использовались правительством «как служащие полиции для наблюдения за другими членами того же сословия» и наказывались «дисциплинарными взысканиями, как и полицейские служащие». В отношении николаевской эпохи мы имеем отрывочные данные о числе помещиков, привлеченных к суду и осужденных за злоупотребление властью. По сведениям Б. Н. Миронова, в 1834-1845 гг. к суду было привлечено 2838 человек, осуждено 630 (22,2%) [10, с. 141-142; 11, с. 389; 15, т. 6, № 2723, т. 17, № 16388, т. 25, № 24763, т. 28, № 27046; 16, д. 424, л. 1-3; 20, с. 141-142, 145-146].

Тем не менее, приведенный материал, по нашему мнению, не дает (без проведения дальнейших исследований) оснований определить, насколько контроль высшей и местной власти над жестокими помещиками был эффективен, и выявить тенденцию использования взятия в опеку имений в качестве наказания в отношении дворян-землевладельцев, «преступивших грань».

Список литературы

1. Долгих А. Н. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII-XIX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 70-73.
2. Журналы Комитета Министров. Царствование императора Александра I. 1802-1812: в 2-х т. / под ред. А. Н. Куломзина. СПб., 1888. Т. I. VII+87+IV+503 с.
3. Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – начале XIX в.: в 2-х ч. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2008. Ч. I. 512 с.
4. Из истории Комитета Министров: Своеручные отметки императоров Александра и Николая Павловичей // Русский архив. 1902. Кн. 3. № 12. С. 487-488.
5. История русской экономической мысли: в 2-х т. / под ред. А. И. Пашкова. М.: Соцэкгиз, 1955. Т. I. Ч. I. 755 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. 576 с.
7. Ключевский М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград, 1916. IV+629 с.
8. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX в.: власть и общество: сборник документов: в 4-х т. / сост. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2008. Т. I. 360 с.; Т. 2. 360 с.; Т. 3. 367 с.; Т. 4. 342 с.
9. Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): дворянское общество и власть: сборник документов: в 2-х т. / подг. мат., ввод. ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. I. 364 с.; Т. II. 320 с.
10. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762-1914 / пер. с нем. И. Иловойской. М.: Русский путь; Полиграфресурсы, 1995. 549 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Д. Буланин, 1999. Т. I. 549 с.
12. Николай Михайлович, великий князь. Граф П. А. Строганов (1774–1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3-х т. СПб., 1903. Т. 2. XXII+435 с.
13. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 129. Оп. 1.
14. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: в 45-ти т. СПб., 1830.
15. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55-ти т. СПб., 1830-1884.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 869. Оп. 1.
17. РГИА. Ф. 1286. Оп. 3.
18. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1.
19. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 5. 527 с.

20. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: ИРИ РАН, 2005. 315 с.
21. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832. Т. 9. 5+447 с.
22. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: в 2-х т. СПб., 1888. Т. 1. LIII+517 с.
23. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: в 5-ти т. СПб., 1902. Т. 1. IX+607 с.
24. Фонвизин Д. И. Сочинения. М.: Правда, 1981. 320 с.
25. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982. 368 с.

**COMPLAINTS OF POSSESSORY PEASANTS AND SYSTEM OF PUNISHMENTS
OF LANDOWNERS IN LEGISLATION OF RUSSIA AT THE END OF THE XVIII – IN THE FIRST
HALF OF THE XIX CENTURY: TO THE PROBLEM STATEMENT**

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University
Adonli@mail.ru

The article is devoted to the little-studied in historiography problem of the reaction of the authority of the Russian Empire to the complaints of possessory peasants against their masters. The system of the punishments of cruel landowners in the legal system of the state is considered, the process of its formation is shown, and the main attention is drawn to the legislation at the end of the XVIII – in the first half of the XIX century. On the basis of the use of new, including archival sources, the author makes an attempt to outline tendencies in the development of these phenomena.

Key words and phrases: trusteeship; complaints; punishments; peasant issue; Russian autocracy.

УДК 616.89(091)(571.120)

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению истории становления и развития психиатрической помощи в городах Тобольской губернии. Основной акцент сделан на законодательной базе, регламентировавшей положение душевнобольных. С использованием архивных источников рассмотрены: кадровый состав медицинского персонала, характеристика правил приёма и внутреннего распорядка в специализированном учреждении, формы заболеваний и методов лечения, статистические данные смертности и условия содержания пациентов.

Ключевые слова и фразы: приказ общественного призрения; история психиатрической помощи; психиатр; душевнобольные; «Дом умалишенных»; Тобольская губерния.

Ерофеев Ярослав Александрович

Тюменский государственный университет
yaroslav-erofeev@yandex.ru

**ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ГОРОДАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)[©]**

Современное состояние общественных отношений неотделимо от важнейших тенденций исторического становления государственности в России. Практическая необходимость в поддержке различных категорий нуждающихся, возникшая в последнее десятилетие, в контексте проводимых социально-экономических реформ заставляет исследователей обращаться к прошлому. Социальная работа является сложным процессом, который имеет тысячелетнюю историю становления, постоянно меняется в культурно-исторической перспективе. На всех этапах развития государственности существовал институт общественного призрения душевнобольных. Характер его законодательного регулирования был обусловлен отношением власти и населения к людям с психическими расстройствами, а также степенью понимания причин возникновения и проявления их заболеваний. Организация социального попечения определялась положением, согласно которому «на государстве лежит обязанность покровительствовать, а в случае нужды и помогать существованию всем, кто по своему умственному состоянию не способен исполнять требования общественного порядка» [31, с. 103]. При этом государство отделяло заботу о душевнобольных от других категорий граждан, например, малолетних или лиц с физическими недостатками. Это было необходимо из-за совмещения процесса лечения и специального врачебного наблюдения с целью охраны как самого пациента, так и общества от опасных проявлений болезни.

К истории создания психиатрической помощи исследователи обращались ещё в дореволюционную эпоху. Авторы сосредотачивали своё внимание на организации первых палат и отделений, описывали их оборудование и оснащение [24; 31]. В советский период учёные изучали правовые основы, развивавшиеся с XVIII века [33]. В современной литературе появилось немало работ по историко-медицинской тематике, где в той или иной степени освещалось психиатрическое дело [27; 28; 32].